

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНО-РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ*

*М.А. ЦЕБРУК, педагог-психолог Центра социально-психологической работы
Института государственного управления Академии управления
при Президенте Республики Беларусь ©*

Статья посвящена проблеме выявления внутриличностных конфликтов личности. Особую группу внутренних конфликтов личности в психологии составляют ролевые конфликты, под которыми понимаются ситуации, в которых индивид, имеющий определенный статус, сталкивается с несовместимыми ожиданиями. Рассматриваются внутриличностные конфликты гендерного плана, в частности проявление гендерно-ролевого конфликта в раннем юношеском возрасте. Анализ литературных источников и проведенное исследование позволяют предполагать, что под гендерно-ролевым конфликтом следует понимать совокупность психологических переживаний, связанных с особенностями гендерной направленности личности и раскрывающихся во внутренних (внутриличностных) и во внешних (межличностных) проявлениях. Результаты исследования показали, что для феминных и недифференцированных типов гендерной направленности личности преимущественно свойственно расогласование подструктур гендерной направленности, неприятие себя, эмоциональный дискомфорт, преобладание внешнего локуса контроля, что отражает внутриличностный уровень проявления гендерно-ролевого конфликта в возрасте ранней юности.

Ключевые слова: гендерно-ролевой конфликт, гендерная направленность, маскулинность, феминность, внутриличностный (внутренний) уровень проявления гендерно-ролевого конфликта.

Проблема изучения, определения, поиска способов разрешения конфликтов, возникающих в процессе межличностного взаимодействия и индивидуального развития, всегда вызывала у психологов особый интерес. Внутренняя жизнь личности неизменно составляла значимый аспект психологии. Несмотря на огромный пласт психологических исследований в области внутриличностных конфликтов (Б.Г. Ананьев, А.Я. Анцупов, Л.И. Анцыферова, Ф.Е. Василюк, Д.В. Грешнев, Н.В. Гришина, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев, К. Левин, Дж. Доллард, Е.Б. Фанталова, Л. Фестингер, З. Фрейд, К. Хорни и т.д.), до сих пор наблюдается стремление ученых найти объяснение природы и сущности внутренних конфликтов личности, дать им типологию, исследовать их стадии развития и формы проявления.

Особую группу в психологических исследованиях занимают ролевые конфликты. По мнению П.П. Горностая, фундаментальные исследования проблемы ролевых конфликтов еще недостаточно реализованы, они значительно отстают от экспериментальных и прикладных

разработок как в странах постсоветского пространства, так и за рубежом [1]. В то же время изучение разнообразия психологических ролей личности и связанных с ними конфликтами дает возможность более глубоко исследовать жизненный путь личности, процессы самоидентификации, формирование ценностно-временных ориентаций. Ролевые конфликты тесно взаимосвязаны с глубинной структурой личности человека и являются по сути одними из форм ее бытия. Под ролевым конфликтом обычно понимается ситуация, в которой индивид, имеющий определенный статус, сталкивается с несовместимыми ожиданиями, зависящими от объективных характеристик (реальных ролевых ожиданий, ролевого поведения, ролевых норм), либо субъективных характеристик (компонентов когнитивной структуры индивида) [1].

Динамичность современного мира, трансформации статусно-ролевых функций мужчин и женщин обуславливают возникновение особого рода внутриличностного конфликта – гендерно-ролевого. Его суть можно описать совокупностью психологических переживаний,

* Статья поступила в редакцию 1 августа 2008 года.

связанных с особенностями гендерной направленности личности [2], и раскрывающихся во внутренних (внутриличностных) и во внешних (межличностных) проявлениях. Единство объективного и субъективного уровней проявлений внутриличностного конфликта (Л.В. Выготский, П.П. Горностай, Н.А. Коновалова, В.С. Мерлин, А.В. Сивцова) является основой раскрытия гендерно-ролевых противоречий. В зарубежной психологической литературе незначительно описана модель гендерно-ролевого конфликта, проявляющегося у мужчин в виде тревожности, депрессии, снижения самооценки, стресса, проблем в отношениях, конфликтов на работе, физическом и сексуальном насилии [3, с. 377]. Однако имеющиеся обзоры, посвященные проблемам внутриличностных конфликтов гендерного плана (Ю.Е. Алешина, О.А. Гаврилица, П.П. Горностай, В.Е. Каган, И.С. Клецина, Н.Н. Коростылева, К. Баси, О'Нил, У. Штейнберг) не дают целостного представления об этом важном направлении психологических исследований.

Изучение любого внутриличностного конфликта достаточно сложный процесс. В виду специфичности его форм протекания, зафиксировать гендерно-ролевой конфликт возможно с помощью косвенных показателей проявления разнообразных явлений как внутренней жизни индивида, так и характера его взаимодействия с окружающими. В настоящей статье нами предпринята попытка определить содержательные характеристики гендерно-ролевого конфликта на внутреннем (внутриличностном) уровне проявления у юношей и девушек в возрасте 15–18 лет. При выборе диагностического инструментария руководствовались фундаментальной идеей Л.С. Выготского о единстве внешней и внутренней психической деятельности [4], что дает возможность, изучая процессы внешнего проявления поведения человека, прогнозировать характер внутриличностного развития и наоборот, особенности протекания внутриличностных переживаний имеют свое отражение во внешней форме – деятельности и поведении.

Для выявления внутриличностных противоречий гендерного плана значимым является определение ряда характеристик, указывающих на разнообразные переживания юношей и девушек своей гендерной идентичности. В первую очередь в процессе исследования были получены данные, свидетельствующие в пользу маскулинности или феминности юношей и девушек,

согласно стандартизированной методике С.Л. Бем «Опросник гендерных ролей» и предложенной типологии гендерной направленности личности [2]. Под гендерной направленностью понимается личностная направленность индивидуальных характеристик и поведения индивида в соответствии с его полоролевой ориентацией. Согласно данному определению можно говорить о группе маскулинно-направленных, феминно-направленных, андрогинно-направленных и недифференцированно-направленных юношей и девушек. Вариант более индивидуализированного подхода к установлению типа гендерной направленности раскрывается путем соотношения основных содержательных характеристик гендерной идентичности.

Диагностировать внутриличностные переживания можно путем изучения особенностей самоприятия себя юношами и девушками, специфики их локуса контроля и эмоциональной комфортности, а также степени интеграции гендерной направленности – отсутствия значительного расхождения между аспектами «Я-реальное» и «Я-идеальное». Интегральные показатели социально-психологической адаптации («Опросник социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А.К. Осницкого [5]) – «самоприятие», «эмоциональная комфортность», «интернальность» – дают возможность проанализировать особенности протекания внутриличностных переживаний с учетом типа гендерной направленности личности. В исследовании участвовали 348 учащихся средних образовательных учреждений г. Минска (СШ № 45, № 206, педагогическая гимназия № 3) 9–11 классов в возрасте 15–18 лет (200 девушек и 148 юношей).

Результаты показывают, что в целом уровень приятия себя высок как у девушек, так и у юношей (79%), что соответствует положительному отношению к себе. В то же время неприятие себя проявляется достаточно часто как у юношей, так и у девушек – средний уровень характерен для 60% респондентов. Показатель «самоприятие» – характеристика, изменяющаяся в зависимости от ситуации самооценки. Как и показатель «эмоциональной комфортности», который зависит и от внутреннего состояния личности, и от особенностей взаимодействия с ближайшим окружением. Эмоциональный дискомфорт гораздо чаще проявляется у девушек ($p < 0,01$) с преобладанием внутреннего локуса

контроля ($p < 0,1$). Это объясняется значимостью межличностных отношений для представительниц женского пола.

Корреляционный анализ г-Спирмена показывает тесную взаимосвязь адаптивности с приятием себя, эмоциональной комфортностью и преобладанием внутреннего локуса контроля ($p < 0,01$). Благополучная социально-психологическая адаптация в юношеском возрасте предполагает высокий уровень приятия как себя, так и других, эмоциональную комфортность с окружающими и возможность проявления лидерских качеств. Неприятие себя и других, эмоциональный дискомфорт и преобладание внешнего локуса контроля ведет к дезадаптации и, как следствие, к неспособности решать возникающие проблемы ($p < 0,001$).

С точки зрения возрастных различий, интегральные показатели «самоприятие», «эмоциональная комфортность», «интернальность» примерно одинаково выражены у юношей в возрасте 15, 16 и 17–18 лет, при незначительном изменении показателя «внутренний контроль» в конце раннего юношеского возраста ($p < 0,1$). Статистически достоверные различия были обнаружены у девушек по показателям «неприятие себя», «внутренний» и «внешний контроль» ($p < 0,05$): взросление обуславливает более позитивное отношение к себе у девушек с внутренним локусом контроля.

В ходе исследования были обнаружены особенности самоприятия, эмоциональной комфортности и интернальности в зависимости от степени маскулинности/феминности юношей и девушек. Маскулинность в целом способствует приятию себя, эмоциональной комфортности и внутреннему локусу контроля ($p < 0,001$). Феминность – в меньшей степени взаимосвязана с эмоциональной комфортностью, так как у юношей может вызывать и эмоциональный дискомфорт ($p < 0,1$). Характер интернальности девушек, склонных к феминности, не имеет статистически достоверных различий ($p > 0,1$). Полученные данные свидетельствуют в пользу маскулинной модели гендерной идентичности, а также показывают, что при общем возрастании феминности и маскулинности (андрогиния) Я-образ является более позитивным. Наиболее высокий уровень по показателям социально-психологической адаптации «самоприятие», «эмоциональная комфортность», «интернальность» показывают юноши и девушки со следующими

типами гендерной направленности: невыраженная маскулинность, невыраженная феминность, андрогинный, невыраженная андрогиния ($p < 0,05$).

Бесконфликтное отношение к себе, эмоциональная комфортность и внутренний локус контроля взаимосвязаны со следующими характеристиками ролевой и личностной идентичности юношей и девушек (на основе данных корреляционного анализа г-Спирмена с использованием методики нестандартизированного самоотчета «Кто Я?» М. Куна и Т. Мак-Партленда) [6]:

1. Высокий уровень приятия себя юношами и девушками наблюдается в случае сознательного выбора профессиональных ролей, при этом подчеркивается значимость гендерно-нейтральных характеристик и положительного отношения к себе ($p < 0,05$).

2. Эмоциональная комфортность ассоциируется с профессиональным самоопределением, маскулинностью и способностью к самоанализу своих достоинств и недостатков. Эмоциональный дискомфорт – с феминными и отрицательными характеристиками ($p < 0,05$).

3. Внутренний локус контроля характеризуется рефлексивными способностями юношей и девушек, а также наличием маскулинных характеристик. Внешний локус контроля – наличием феминных и отрицательных характеристик ($p < 0,05$).

4. Отсутствие в самоописаниях юношей и девушек указания на половую принадлежность обнаружило достоверную связь с показателем «неприятие себя» ($p < 0,05$).

Приятие себя и эмоциональный комфорт определяют еще один параметр социально-психологической адаптации – «уход от проблем», который зависит от склонности юношей и девушек приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам либо собственным способностям и усилиям. В первом случае юношество сосредоточено на себе, так как уверенно и довольны собой. Во втором случае, личность больше ориентирована на решение возникающих проблем, которые выполняют компенсаторную функцию при негативном самоотношении ($p < 0,05$).

Негативное самоотношение, не зависящее от аутосимпатии и самоуважения, изучалось с помощью «Многомерного опросника исследования самоотношения», разработанного Р.С. Пантелевым и В.В. Столиным (фактор «внутренняя

неустойчивость») [7]. Высокий уровень по шкалам «внутренняя конфликтность» и «самообвинение» зафиксировано у 29% девушек и 27% юношей, средний уровень – 36% и 41% соответственно, низкий уровень – 35% и 32%. Наличие внутренних конфликтов, сомнений, несогласий с собой, готовность поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки – у юношей и девушек взаимосвязаны с низкой маскулинностью ($p < 0,001$). Гендерная направленность по недифференцированным типам (с тенденцией к феминности и маскулинности) является индикатором внутренней нестабильности личности в силу неопределенности гендерной позиции ($p < 0,01$).

Проведенное исследование показывает, что юноши и девушки с внутренней конфликтностью в меньшей степени описывают себя посредством отрицательных характеристик [6] и тем самым маскируют негативный Я-образ за отрицанием внутриличностных проблем ($p < 0,05$). Внутренняя неустойчивость личности в юношеском возрасте взаимосвязана с дезадаптивностью, неприятием себя и других, эмоциональным дискомфортом, внешним локусом контроля и позицией ведомости во взаимодействии ($p < 0,01$). Все это влечет к тенденции «уход от проблем» в реальной жизни юношей и девушек.

Специфика негативного самоотношения раскрывается также при соотнесении подструктур гендерной направленности: «Я–реальное» и «Я–желаемое». По мнению А.А. Налчаджяна, «желаемое Я» мотивирует поведение человека, выбор социальных статусов и ролей, основных целей и средств их достижения. Если расхождение между «реальным Я» и «желаемым Я» значительно, личность переживает интенсивное недовольство собой [8, с. 229]. Позитивные идентификации с желаемым «Я-образом» способствуют эффективному усвоению социальных умений и навыков, необходимых для осуществления ролей, и тем самым способствуют психологическому росту и нормальной социальной адаптированности личности [8, с. 143]. Сравнение параметров «Я–реальное» и «Я–желаемое» осуществлялось с помощью критерия

Т-Вилконсона для зависимых выборок. Результаты показывают, что юношество гораздо чаще хотело бы проявлять маскулинные качества (положительные сдвиги зафиксированы у 49% респондентов, $p < 0,05$). Традиционно женский набор характеристик в желаемом типе гендерной идентичности значительно уменьшается по сравнению с реальным (отрицательные сдвиги по параметру «феминность» в структуре гендерной направленности наблюдается у 48% опрошенных, $p < 0,05$).

Следует отметить, что позиция юношей соотносится с общепринятой системой традиционных взглядов относительно личностных характеристик мужчин, в соответствии с которой мужчины должны стремиться быть более маскулинными и менее феминными (положительные сдвиги по параметру «маскулинность» – 57% юношей, $p < 0,001$; отрицательные сдвиги по параметру «феминность» – 65% юношей, $p < 0,0001$). Позиция девушек не укладывается в традиционные представления, так как одна часть опрошенных стремится быть более феминной (положительные сдвиги по параметру «феминность» – 45% девушек, $p < 0,05$), другая часть ориентируется на проявление маскулинных качеств и в меньшей степени на проявление феминности (отрицательные сдвиги по параметру «феминность» – 35,5% девушек, $p < 0,05$). Данные статистические результаты свидетельствуют о том, что хотя каноны маскулинности и феминности взаимосвязаны, женские образы меняются и обновляются быстрее мужских. Традиционные гендерные стереотипы претерпевают существенные трансформации в рамках тех границ, которые допускаются нормативными представлениями о мужественности и женственности в современных условиях социокультурного развития.

Сравнение групп юношей и девушек по соотнесению реальных маскулинных и феминных характеристик с желаемыми эталонами показывает, что юноши по сравнению с девушками более зависимы от нормативных эталонов маскулинности–феминности:

Таблица – Различия между мужской и женской выборкой

Показатели	Ранговая сумма		Критерий U-Манна-Уитни	p – уровень значимости
	Группа девушек	Группа юношей		
Маскулинность	29122,50	31603,50	9022,500	0,000000
Феминность	43472,00	17254,00	6228,000	0,000000

Юноши ощущают на себе более выраженное давление норм полосоциального поведения и стараются им соответствовать. Поведение девушек более индивидуализировано, вариативно и гибко, и менее зависимо от норм полотициализированного поведения.

Рассогласование подструктур гендерной направленности «Я–реальное» и «Я–желаемое» характеризует оценку юношами и девушками себя как представителя мужского либо женского пола. Степень несоответствия «Я–реального» «Я–желаемому» указывает на неудовлетворенность содержанием гендерной идентичности. Такой диссонанс ведет к возникновению внутриличностных конфликтов гендерного плана, в меньшей степени обеспечивая адаптацию личности, внутреннюю защиту и чувство самоидентичности. С другой стороны, описываемое несоответствие подтверждает идею рассмотрения гендерной направленности личности как явления развивающегося и изменяющегося на протяжении всего раннего юношеского возраста – возраста самоопределения в плане гендерной идентичности.

Таким образом, внутренний (внутриличностный) уровень проявления гендерно-ролевого конфликта в раннем юношеском возрасте можно описать через характеристики: рассогласование подструктур гендерной направленности, неприятие себя, эмоциональный дискомфорт, преобладание внешнего локуса контроля, а также несущественность категории «пол» в структуре представлений о себе, негативное самоотношение, преобладание личностной идентичности, неспособность к саморефлексии и самоанализу, наличие тенденции ухода от проблем. Маскулинный и андрогинный типы гендерной направленности в большей степени соответствуют приятию себя, эмоциональной комфортности, осознанному выбору профессиональных ролей и позитивному самоотношению. Для юношей и девушек с феминными и недифференцированными типами гендерной направленности преимущественно свойственно неприятие себя, эмоциональный дискомфорт, преобладание внешнего локуса контроля. Рассогласование

подструктур гендерной направленности «Я–реальное» и «Я–желаемое» свидетельствует о характерных для юношества внутриличностных противоречиях в контексте гендерного самоопределения.

Перечисленные особенности проявления гендерно-ролевого конфликта на внутриличностном уровне тесно взаимосвязаны с внешними проявлениями внутриличностных переживаний. Выявленные особенности внутренних переживаний личности не являются деструктивными по своему содержанию в том случае, если не ведут к негативному самоотношению, несформированной гендерной идентичности и дезадаптации в целом. В совокупности данные особенности выступают своеобразным этапом в становлении осознанной гендерной идентичности и осмысленного выполнения гендерной роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горностай, П.П. Ролевой конфликт и проблема выбора / П.П. Горностай // Психологія на перетині тисячоліть: зб. наук. праць учасників 5-х Костюківських читань: в 3 т. – Киев: Гнозис, 1998. – Т. 1. – С. 319–326.
2. Вержибок, Г.В. Гендерная направленность личности: стандартизация психодиагностической методики / Г.В. Вержибок, М.А. Цебрук // Весці БДПУ. – Серія 1. Педагогіка. Психологія. Філологія. – 2008. – № 1. – С. 39–43.
3. Ильин, Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
4. Выготский, Л.С. Психология / Л.С. Выготский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 512–539.
5. Осницкий, А.К. Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики / А.К. Осницкий. – М.; Нальчик: Издательский центр, 1996. – 128 с.
6. Цебрук, М.А. Гендерный анализ ролевой и личностной идентичности в раннем юношеском возрасте / М.А. Цебрук // Психологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 14–18.
7. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М.: МГУ, 1983. – 284 с.
8. Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А.А. Налчаджян; отв. ред. Э.А. Александрян. – АН АрмССР, Ин-т философии и права, Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. – 263 с.